

Значительное место в выступлениях кураторов было уделено проблематике отдельных секций, на которой предполагается сосредоточить основное внимание участников конгресса. При обсуждении этой проблематики члены Оргкомитета отметили, что она в основном отражает наиболее актуальные проблемы в области наук, представленных на конгрессе.

Представители союзных республик А. И. Залесский (Белоруссия), Н. Н. Ершов (Таджикистан), Г. С. Читая (Грузия) ознакомили собравшихся с работой своих оргкомитетов. Большой интерес вызвало сообщение Г. С. Читая о введении в Тбилиском университете с осени 1962 г. курса общей этнографии, а также этнографии Кавказа (кроме исторического факультета, на географическом и экономическом факультетах).

Л. П. Потапов и Е. Н. Студенецкая остановились на подготовке этнографических выставок к конгрессу. Е. Н. Студенецкая сообщила, что Государственный музей этнографии народов СССР готовит несколько новых экспозиций.

Оргкомитет обсудил также ряд организационных вопросов, касающихся главным образом подготовки докладов советских участников конгресса.

Закрывая заседание, С. П. Толстов наметил ряд конкретных рекомендаций по дальнейшей подготовке конгресса и предложил провести следующее заседание рабочего Оргкомитета в ноябре 1962 г.

К. В. Якимова

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ НА X ТИХООКЕАНСКОМ НАУЧНОМ КОНГРЕССЕ

С 21 августа по 6 сентября 1961 г. в Гонолулу проходил X Тихоокеанский научный конгресс. На конгресс из различных стран мира были приглашены ученые, занимающиеся изучением Тихого океана, в том числе представители подмандатных и зависимых территорий этого района земного шара. В конгрессе участвовало 2700 человек; в делегацию СССР входило 49 советских ученых различных специальностей. Число участников намного превысило запланированное (1500 чел. из 40 стран), что можно объяснить как широким кругом вопросов, включенных в план работы конгресса, так и их актуальностью.

Тихоокеанские конгрессы имеют свою историю.

2 августа 1920 г. на Гавайских островах открылась I Пан-Тихоокеанская научная конференция, на которой присутствовало около 100 ученых, более половины которых прибыли из США. Инициаторами созыва конференции были Австралийское королевское общество и Музей им. Бернис П. Бишоп (Гавайи). Идея, выдвинутая на конференции, как и сам факт ее созыва, получили широкую поддержку в различных странах. Советская Россия не смогла в то время принять участие в работе конференции.

В 1926 г. на Третьем Тихоокеанском научном конгрессе (частица «Пан» была отброшена, чтобы избежать путаницы с другими «пан» ... ассоциациями) в Токио был окончательно оформлен и утвержден устав Тихоокеанской научной ассоциации. На этом конгрессе присутствовала и делегация советских ученых, в том числе один из крупнейших этнографов Л. Я. Штернберг. В соответствии с уставом были намечены планы будущих исследований, приняты резолюции с призывами к ученым стран Тихоокеанского бассейна выступать за добрососедские отношения между народами, против войны. Был создан Совет Ассоциации из 15 членов, куда вошел представитель Академии наук СССР.

Конгрессы Тихоокеанской научной ассоциации проходят поочередно в одной из стран Тихоокеанского бассейна каждые несколько лет. Состоялись следующие конгрессы: в Австралии (1923), Японии (1926), Индонезии (1929), Канаде (1933), США (1939), Новой Зеландии (1949), на Филиппинах (1953), в Таиланде (1957).

Известный австралийский ученый А. Элкин так сформулировал принципы Тихоокеанской ассоциации и ее конгрессов: «Тихоокеанские научные конгрессы исходят из убеждения, что язык науки универсален, что ни географические, ни идеологические границы не могут воспрепятствовать сотрудничеству, которое является основой научной деятельности, и уверены, что все ученые будут работать на благо человека, во имя процветания и мира»¹.

Организаторы и участники конгресса проявили неподдельное желание к установлению духа взаимопонимания. Это проявлялось и в научных дискуссиях, в дружелюбном отношении ученых западных стран и даже прессы к членам советской делегации — представителям чуждой подавляющему большинству участников конгресса марксистской идеологии. Наибольший интерес к советским ученым проявили молодые ученые различных стран.

Работа X Тихоокеанского научного конгресса проходила по секциям и на многочисленных симпозиумах. Разница между симпозиумами и секционными заседаниями

¹ А. Elkin, Pacific Science Association, 1961, стр. 64—67.

очень невелика. Симпозиумы отличались, возможно, лишь более целенаправленным подбором докладов и тем, что некоторые из них проводились при участии и поддержке соответствующей международной организации (например, по цунами и др.).

Повестка дня конгресса включала вопросы, связанные с океанографией, геофизикой, биологией, ботаникой, социологией, этнографией и многими другими отраслями наук.

Секция антропологии и социальных наук была одной из наиболее многочисленных и загруженных. Ее работа была хорошо организована, что позволило советским делегатам участвовать в работе многих секционных заседаний и симпозиумов. Представление о широте круга затрагивавшихся на секции вопросов дает перечень основных из них, которые были вынесены на симпозиумы.

1. Этнография:

а. Генезис и микроэволюция народов бассейна Тихого океана.

б. Этническая история стран Тихоокеанского бассейна.

в. Новейшие изменения в культуре народов Тихого океана (вопросам развития японской культуры был посвящен отдельный симпозиум).

г. Состав населения, демография, проблемы, связанные с быстрым ростом населения.

2. Археология:

а. Текущие археологические исследования островов Тихого океана.

б. Геохронология (методика и итоги исследований).

3. Филология:

а. Малайско-полинезийские языки района Тихого океана.

б. Фольклор.

4. Социология:

а. Особенности социальной структуры стран Тихого океана.

б. Рост численности населения.

в. Урбанизация.

г. Политическая организация.

д. Государственное планирование и др.

Всего по секции антропологии и социальных наук было зачитано не менее 500 докладов.

Весьма интересными были также доклады о связи растительности с миграциями народов в Тихом океане, о генетике морфологических и биохимических свойств крови, некоторые доклады на секциях географии и медицины.

Доклады, представленные на секции антропологии и социальных наук, носили преимущественно обзорный характер и, как правило, не сопровождалась дискуссиями, для которых не хватало времени (даже на симпозиумах!). Полные тексты докладов во всегда распространялись в аудитории; на доклады отводилось 20—30 мин. с возможными вопросами, причем регламент строго соблюдался. Чаще зачитывались лишь расширенные тезисы докладов. Предполагается, что большинство докладов будет опубликовано в различных периодических изданиях.

На конгрессе большое внимание было уделено этнической истории стран бассейна Тихого океана в пределах последних двух тысячелетий. Вопрос о путях заселения островов Тихого океана рассмотрен лишь в 2—3 докладах. Широко обсуждался вопрос о месте человека в экосистеме островов², о взаимных влияниях человека на природу и природы на человека, о значении островной изоляции.

Интересный доклад Ч. Чарда³ был посвящен проблемам возникновения и распространения на северном побережье Тихого океана культур, связанных с морем. По мнению Чарда, этот тип культуры распространился относительно недавно по азиатскому побережью из района Берингова пролива. Автор отмечает также существование другого очага культуры этого типа в районе Северной Японии, который, однако, не оказал значительного влияния на окружающие районы.

Р. Шутлер⁴, основываясь на последних археологических исследованиях и результатах радиоуглеродного анализа, в своем докладе делает попытку пересмотреть установленную хронологию заселения островов Тихого океана. Мореходные суда строились

² Содержанию термина «экосистема» был посвящен доклад Ф. Р. Фосберга «The Ecosystem Concept», в котором этот термин определяется как «действующая система взаимодействий, состоящая из одного или более объектов живой природы и воздействующего окружения как физического, так и биологического» (An ecosystem is a functioning interacting system composed of one or more living organisms and their effective environment, both physical and biological). Акад. В. Н. Сукачев предложил в 1940 г. термин «биогеоценоз» (см. БСЭ, 2-е изд., т. 5, стр. 180—181), что отражает то же понятие. См. также: F. C. Evans, Ecosystem as the basic unit in ecology, «Science», 1956, т. 123, стр. 1127—28.

³ Ch. Chard, Maritime Culture in Prehistoric Northeast Asia, «Abstracts of Symposium Papers, Tenth Pacific Science Congress» (в дальнейших сносках — «Abstracts»). Honolulu, 1961, стр. 76.

⁴ F. Shuttler, Peopling of the Pacific Islands in the Light of Radiocarbon Dating, «Abstracts», стр. 78.

жителями Южного побережья Китая около 2000 г. до н. э. Автор полагает, что отсюда расселение народов по островам Тихого океана могло проходить по следующим маршрутам: 1) через Филиппины в Микронезию и через Филиппины в Меланезию и далее в Полинезию или 2) через Индонезию в Меланезию.

Заселение Маррианских островов датируется Р. Шутлером около 1500 г. до н. э. (надо заметить, что именно к этому времени данные глоттохронологии относят начало малайско-полинезийской языковой дифференциации).

Следовавшие через Меланезию прибыли в Н. Каледонию около 800 г. до н. э. и на Фиджи к 46 г. до н. э. Восточная Полинезия, т. е. о-в Пасхи и Маркизовы острова были заселены к 400 и 125 гг. н. э., Гавайские острова — к 124 г. н. э.

Находка керамики на Самоа и Маркизовых островах и установление факта ее изготовления на о. Тонга заставляет пересмотреть теорию об отсутствии керамики в Полинезии. Богато украшенная керамика о. Тонго очень сходна с образцами с о. Фиджи, Илдепинс и Н. Каледонии; это дает основание предположить, что первоначально Меланезия и Центральная Полинезия были заселены группой южноазиатского происхождения, шедшей через Меланезию; конечным пунктом этого передвижения, возможно, явились Маркизовы острова.

К. Эмори⁵ выдвигает гипотезу более позднего заселения Гавайев, исходя из того, что оно происходило с Маркизовых островов и о. Танти. Каменные и костяные поделки, находимые в раскопках, обнаруживают очень незначительные изменения, по сравнению с имевшимися в момент прихода европейцев. Автор отмечает большую изобретательность гавайцев, утрату ими некоторых старых обычаев (например, протыкание ушей для украшений) и предполагает контакт с европейцами еще до прихода Кука.

В своем выступлении Ж. Гиар⁶ оспаривал традиционное разграничение между Меланезией и Полинезией. Гиар указывает, что область от Н. Каледонии до Самоа должна рассматриваться как единое целое. Именно эта область была местом, где начали формироваться полинезийские связи, и местные общества представляют собой различные варианты эволюции от начальных форм к наследственному или выборному статусу.

Интересен был доклад Лин Шунь-шэна «Изготовление одежды из коры и изобретение бумаги в Древнем Китае»⁷, в котором указывалось, что тапа, столь распространенная в Западной Африке, Юго-Восточной Азии, Океании и Америке, производилась в Древнем Китае еще до н. эры. Изобретение бумаги в Китае, приписываемое традицией Цай-Лун, есть по существу дела процесс улучшения выделки разных сортов тапы и других видов бумаги. Литературные источники упоминают тапу в формах t'a-pu, ta-pu, tu-pu (современное литературное ka-pu уже во II в. до н. э.) (Шицзи), I в. н. э. (Ханьшу) и позднее. Автор считает, что слово «тапу» является прямой транслитерацией прото-аустронезийского слова «тапу», обозначающего материал, изготовленный из коры. Помимо слова «тапу», в китайских источниках встречаются и описательные названия этого материала. Автор убежден также, что до изобретения Цай-Луном в 105 г. н. э. настоящей бумаги существовало три сорта бумаги, как, например, шелковая и, что более важно, «таповая», а лингвистические данные указывают на то, что название «таповой» бумаги — kiek-diei — также термин, заимствованный у «южных варваров» — протоаустронезийцев. Изобретение настоящей бумаги Цай-Луном было тесно связано с производством бумажной тапы.

Доклады, посвященные новейшим археологическим исследованиям, носили в основном обзорный характер или рассматривали вопросы методологии этих исследований. К последним относится доклад Т. Л. Смайли «Общие аспекты археологической датировки»⁸ и доклад Наолунэ Ватанабэ «Датирование с помощью магнитного метода в Японии»⁹. Интересно сообщение Р. С. Дафа¹⁰, посвященное типологии неолитических каменных топоров в Юго-Восточной Азии.

Развитию японской культуры был посвящен специальный симпозиум. В докладе Е. Исиды¹¹ указывается, что японская культура и язык сложились в период Яёи. Автор не сомневается в существовании самых тесных контактов между Западной Японией и Южной Кореей.

Четыре доклада на симпозиуме были посвящены изменениям в новой японской деревне, в том числе доклад И. Исидо «10 лет после земельной реформы»¹². Интерес

⁵ K. P. Emory, Report on Hawaii and Tahiti, «Abstracts», стр. 60.

⁶ J. Guiart, The Place of New Caledonia and the New Hebrides in Pacific Ethnohistory, «Abstracts», стр. 72.

⁷ Shun-Sheng Ling, Bark Cloth Making and the Invention of Paper in Ancient China, «Abstracts», стр. 74.

⁸ T. L. Smiley, General Aspects of Dating in the Field of Archaeology, «Abstracts», стр. 79.

⁹ N. Watanabe, Magnetic Dating in Japan, «Abstracts», стр. 80.

¹⁰ R. S. Duff, A proposed Typological Classification of the Neolithic Adzes of Southeast Asia, «Abstracts», стр. 76.

¹¹ E. Ishida, Some Basic Problems on the Origins of Japanese Culture, «Abstracts», стр. 62.

¹² I. Ishino, Ten years after the Land-reform Program, «Abstracts», стр. 64.

к этой теме указывает, что процесс ломки старых отношений в японской деревне протекает болезненно. Большая группа докладов по семье и семейным отношениям (Т. Кояма «Изменения семейной структуры в Японии»¹³ и др.) также указывает на злободневность этой тематики.

Советским ученым покажется странным вынесение на отдельный симпозиум вопроса о культуре и обществе островов Рюкю; эту тему правильнее было бы рассматривать как частный вопрос общей проблемы развития культуры Японии. Это является отражением давней линии «отрыва Рюкю» от Японии, преследующей сейчас явно политические цели. В серии докладов по проблемам Рюкю можно выделить интересный доклад Н. Кокубу и Э. Канэко¹⁴, в котором они, основываясь на новых исследованиях древней керамики, оспаривают традиционную точку зрения о происхождении рюкюской культуры от японской культуры Джомон и рассматривают культуру Рюкю как часть большой культурной области Китайского моря.

Э. Канэко, рассматривая погребальные обычаи архипелага Рюкю¹⁵ и сопоставляя их с японскими, указывает на южное происхождение рюкюского способа захоронений. Общим проблемам хронологии рюкюской истории посвящены доклады К. Мейгана и Х. Такамия¹⁶.

На симпозиуме по лингвистике и фольклору был интересен с точки зрения этнической истории доклад С. Элоберта о фонемических приращениях в языке жителей о. Реннел¹⁷. В этом языке обнаружены две фонемы, не свойственные полинезийским языкам (авторская транскрипция gh и l — соответственно звонкий веллярный фрикатив и звонкая дентальная фонема). Около 25% слов, содержащих эти фонемы, обозначают предметы флоры и фауны, около 10% — названия изделий, многие из которых не прослеживаются в Полинезии, и около 20% — названия на составленной автором карте острова. Многие слова с этими фонемами, отражающие понятие усталости, скорости, шума и времени, встречаются очень часто. Словари меланезийского языка и работы Габеленца, Кордингтона и др. пока не дают указаний на происхождение этих слов. Местные легенды сохранили сведения о том, что около 21—22 поколений назад родоначальники нынешних жителей прибыли на острова Реннел и Беллону и нашли их занятыми племенами hii. Эти племена были истреблены пришельцами. Пока трудно сделать какие-либо выводы о происхождении hii. Из 10 докладов, представленных на симпозиуме по малайско-полинезийским языкам, большинство посвящено частным проблемам этих языков. Для специалистов в области малайско-полинезийских языков были интересны попытка К. Д. Кретьена классифицировать 21 филиппинский язык¹⁸ и выступление И. Дьен о лексико-статистической классификации малайско-полинезийских языков¹⁹. Последний, в частности, поддерживает гипотезу о возможной большой малайско-полинезийской миграции с востока на запад.

На примере изменений в языке чаморо острова Гуам Дж. Фишер²⁰ сделал попытку проверить правильность скорости дифференциации языков, выведенной М. Сводешем на основе расхождений в основном словарном фонде. В результате обнаружено, что изменения, которые, по Сводешу, в других языках требуют 1000 лет, произошли в чаморо за 400 лет.

Из немалайских языков рассматривались в основном языки Н. Гвинеи.

Определенное место в докладах конгресса было отведено проблеме быстрого роста населения в некоторых районах Юго-Восточной Азии и Океании. Хотя доклады, посвященные этой теме, содержали большое количество статистических материалов (как, например, доклад И. Тейбер²¹) и подчас ценные наблюдения, все же, говоря об ограничении рождаемости, детоубийстве, войнах и т. д., некоторые авторы скатывались к мальтузианству, некоторые доходили даже до открытой проповеди человеконенавистничества, островенно прозвучавшей в докладах К. Глакена и П. Гуро. Достойный отпор такого рода реакционным выступлениям дал под аплодисменты присутствовавших наш соотечественник В. А. Ковда, представлявший на Конгрессе ЮНЕСКО.

Большое место в работе секции уделялось общим социальным и политическим проблемам. Характерно признание западными учеными факта повышения политической активности народов бассейна Тихого океана, роста самосознания этих народов и стремле-

¹³ Т. К о у а м а, Changing Family Structure in Japan, там же, стр. 66.

¹⁴ N. K o k u b u and E. K a n e k o, Some Aspects of Ryukyuan Prehistoric Cultures, «Abstracts», стр. 121.

¹⁵ E. K a n e k o, The Death Ritual of the Ryukyu Islands, «Abstracts», стр. 120.

¹⁶ C. W. M e i g h a n, Time depth for Ryukyuan Cultures: the Early Periods, «Abstracts» стр. 122; H. T a k a m i y a, Time depth for Ryukyuan Cultures: the Later Periods, «Abstracts», стр. 124.

¹⁷ S. H. E l b e r t, Phonemic Increments in Rennellese, «Abstracts», стр. 92.

¹⁸ C. D o u g l a s C h r e t i e n, Classification of twenty one Philippine Languages, «Abstracts», стр. 95.

¹⁹ I. D y e n, The Lexicostatistical Classification of the Malayo-Polynesian Languages, там же, стр. 95.

²⁰ J. L. F i s h e r, Rate of Change in Basic Vocabulary in Guam, «Abstracts», стр. 96.

²¹ J. T a e u b e r, Demographic Instabilities in Island Ecosystems, «Abstracts», стр. 476.

ния к полной национальной независимости. В большинстве докладов так или иначе освещаются изменения в социальной структуре и политической жизни отдельных островов и районов Тихого океана, что говорит об актуальности вопроса.

Интересны доклады, посвященные социальным изменениям на Фиджи, представленные молодым фиджийцем, студентом Лондонской экономической школы Р. Р. Найякакалоу — «Характеристика городского фиджийского населения Сувы» и «Характер изменений структуры общества у населения островов Тихого океана»²², в которых автор дает подробный анализ социальных отношений на Фиджи, зарождения и формирования рабочего класса, профсоюзного движения и изменения в семейных отношениях, а также приводит интересные статистические данные и результаты анкетных опросов, проведенных среди неевропейского населения г. Сувы (Фиджи).

В целом на конгрессе были достаточно полно отражены интересы и планы большинства этнографов-тихоокеанистов.

Большой интерес и внимание уделялись докладам и сообщениям советских ученых. На конгрессе от советской делегации на секции антропологии и социальных наук были зачитаны доклад чл.-кор. АН СССР А. А. Губера «О некоторых аспектах экономического развития Юго-Восточной Азии», который вызвал острую дискуссию, и доклад С. Н. Ростовского «Преодоление отсталости народами Советского Севера и Дальневосточного побережья Советского Союза». Тезисы представленных конгрессу докладов Н. А. Бутинова и М. Г. Левина²³ были опубликованы в «Abstracts of Symposia Papers».

Работа конгресса имела большой положительный результат, создав возможность непосредственных контактов и обмена мнениями между учеными разных стран, школ и направлений. Участие советских ученых в этом конгрессе было чрезвычайно полезным для ознакомления иностранных ученых с нашими взглядами и для расширения наших знаний о научных достижениях в изучении стран Тихого океана.

С. И. Королев

²² R. R. Nayyakalou, Some Characteristics of the Fijian Urban Population of Suva, «Abstracts», стр. 103; его же, Nature of Changes in Pacific Island Man's living Patterns, «Abstracts», стр. 475.

²³ N. A. Butinov, Ethnolinguistic Groups in New Guinea, там же, стр. 100; M. G. Lewin, Once more the Ainu Problem, «Abstracts», стр. 62. Русский текст доклада Н. А. Бутинова опубликован в журн. «Сов. этнография», 1962, № 3.

ВРУЧЕНИЕ А. ПУЛЯНОСУ ПРЕМИИ Х. КУМАРИСА

27 апреля 1962 г. в Институте этнографии АН СССР в торжественной обстановке сотруднику сектора антропологии А. Пуляносу была вручена национальная греческая премия Х. Кумариса за исследование по этнической антропологии Греции.

А. Пулянос окончил аспирантуру по антропологии в Институте этнографии и в 1961 г. получил степень кандидата биологических наук за исследование, посвященное антропологическому составу современного греческого народа. В конце 1961 г. его работа была издана прогрессивным афинским издательством «Морфоси» под названием «Происхождение греков. Этногенетическое исследование».

Появление этой книги вызвало большой интерес греческой общественности. В печати разгорелась ожесточенная полемика. Правительственные газеты «Акрополь» и «Апогевматини», не скрывая своего крайне отрицательного отношения к тому, что наиболее основательное исследование по этнической антропологии греков осуществлено в СССР, методами советской антропологической школы, напечатали передовые статьи, в которых поспешили истолковать научные выводы автора как тенденциозные, преследующие вполне определенные политические цели. Речь идет о той части труда А. Пуляноса, где утверждается автохтонность происхождения не только современного греческого народа, но и проживающих в Греции валахов и славян-македонцев, причем автор специально оговаривает необходимость дальнейших исследований валахов и македонцев. Газета «Акрополь» в передовой статье от 11 января 1962 г. неожиданным образом приписала А. Пуляносу попытку научно обосновать существование «македонского» и «валахского» вопросов и решить их в пользу Болгарии и Румынии, т. е. «взгляды, которые в конечном счете имеют целью расчленение Греции...».

Орган Компартии Греции — газета «Авги» в ряде передовых статей (6, 12, 13, 17 и 18 января 1962 г.) полемизировала с «Акрополем» и «Апогевматини», отстаивая высокую оценку книги А. Пуляноса. «Авги» ссылается на положительное мнение специалиста — профессора Афинского университета Х. Кумариса. Х. Кумарис в письме к издательству «Морфоси» поздравляет его с «превосходным изданием ценной книги А. Пуляноса» («Авги» 17 января 1962 г.). Некоторые из правых газет («Врадини», «Неа», «Элефтерия», «ВИМА») также поместили положительные отзывы.

Антропологическое общество страны присудило А. Пуляносу премию Х. Кумариса. На церемонии вручения премии в Институте этнографии АН СССР директор